

Любовь Кирсанова

Проводник

Любовь Кирсанова

Проводник

<https://litres.ru/74151292>

SelfPub; 2026

Аннотация

Постапокалиптическая психологическая проза. В замкнутом мире, где реальность истончается, слово обретает пугающую силу. Для одного героя книги - единственный способ не раствориться в нарастающем хаосе; для другого - ключ к чему-то за гранью привычного. Где кончается воображение и начинается истина - никто не знает. Эта история о хрупкости разума, о том, как тексты могут стать убежищем или ловушкой.

Научно-фантастическая психологическая драма и философская метафизическая фантастика с элементами психологического хоррора и детектива.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Любовь Кирсанова

Проводник

Глава 1

"Я нахожу свою радость в чтении и чувствую себя счастливым, когда ощущаю, что меняюсь под наплывом страниц. Они шуршат, шелестят, дышат. Из этих букв выходят люди, звери, мифические чудовища, убийцы и рыцари, красавицы и музыканты, философы и реалисты, эльфы, гномы, калеки. Мелкие душонки и большие сердца. Кровь и слёзы. Возбуждение и покой. Смех и ужас. Любопытство и умиление. Все это вырастает из нагромождений букв, витает вокруг меня, обвивает меня, как зелёный плющ ствол дерева. Согревает и обжигает. Пока не становится ясно, что я пропал. Растворился в мире, который уже и не кажется таким уж вымысленным, ведь даже серые краски в нём ослепительнее самого яркого солнца действительности. И что такое я? Я уже не чувствую себя, я - что-то незаметно превращающееся в совершенно чужое, колючее, бойкое и никак не соответствующее действительности. В своих шагах я слышу их шаги. Я не знаю их интонаций, но они говорят моими устами. Они вселяются в меня, шепчут мне совершенно невозможные слова. Помогают мне обрести то, что и в голову бы мне не пришло,

не случись мне познакомиться с ними, окунуться в их мир. И я даже чувствую плеск воды, погружаясь в него, как в подводное царство, подхватывая, словно инфекцию, их интонации и мысли, их слова, мимику и летучую походку. И проживая их жизнь, я даю им возможность заглянуть и в мой мир, а они оставляют мне презенты в виде вдохновения, вот таких вот записок, рисунков или просто чувств. Я проводник. Они проходят сквозь меня, вселяются в меня и говорят с миром моими устами. Я это чувствую и это не сумасшествие и не игра, а настоящая жизнь. Люди сами творцы своих сомнений. Я не сомневаюсь в том, что пишу сейчас не то, что хочу сам, а то, что нашёптывают они, презентуя себя человеку, который, быть может, однажды это прочтёт. Он не поймёт, холодный и безэмоциональный, что существует мир, созданный на бумаге. Что он уже живёт, если о нём написали. Что там, как и здесь, или по-своему сменяется день и ночь, рождаются и умирают люди и живые существа. Он не поймёт, что человек создан по образу и подобию творца, и способен сам создавать миры по своему образу, по своему мышлению, населяя их..."

- И часто вы чувствуете подобное? - мужчина отложил исписанный моим совсем не идеальным почерком кусок старой бумаги и посмотрел на меня с жалостью, наверное, думаю, что я здесь потихоньку начал сходить с ума.

- Всё чаще и чаще, - загадочно улыбнулся я, не собираясь его разубеждать, вложил в книгу перо вместо закладки

и поднялся, оставив скептически настроенного приятеля по несчастью коротать свой вечер с кем-нибудь другим. Здесь. В моей голове всё было иначе. Открывая очередной том, я проходил сквозь стены и отправлялся в далёкое прошлое или миры, которые и не существовали в этом измерении.

Мы здесь уже третий месяц и, если у меня началась шизофрения, то у моего друга явно развивалась паранойя. Он видит опасность даже там, где ею и не пахнет. Он боится, что мы все сойдём с ума по одиночке, пока нас не найдут и не достанут из этой жестяной банки.

Гилберт каждый вечер выползает наружу в защитном костюме и выстреливает по ракетнице, но, если где-то ещё и остались живые люди, то вряд ли они будут искать нас, запертых в бункере когда-то одного из лучших университетов страны, а теперь это просто руины, у подножия которых протекает ядовитая река кроваво-красного цвета, по рассказам Гила и Максимуса. Мне сразу вспоминаются картины, которые я представлял, читая Стивена Кинга или Роберта Уэллса. Да, действительно, сойти с ума здесь проще простого. Но у меня хотя бы есть книги. Иные миры, в которых я проживаю недожитую жизнь. А у Марка и Гилберта нет и этого.

Анна сдалась за месяц. Однажды вечером она ушла спать, а на следующий день мы нашли её мертвой в ванной с перерезанными венами.

Томео ещё не сдаётся. Он сутками сидит над компьютером и пытается что-то изобрести. Мы его не трогаем. Это

его мир.

Максимус - тот самый, что забрал мой черновик и пытался найти в нём следы моего сумасшествия, - наш преподаватель по философии. Он лет на десять постарше меня, но держится лидером и обращается ко всем нам на "вы", не понимая, наверное, что в нашем маленьком мирке уже не может быть первых и последних.

Кто-то тихо постучался в дверь. Кто же это такой робкий?

- Открыто! - не вставая с постели, кричу я и от греха подальше убираю книгу под подушку. Это было фэнтези про магов и параллельные миры. А мне когда-то говорили, что материалист, начавший читать фэнтези - верный признак сумасшествия.

- Привет, Алекс, - ко мне заходит Томео, и я дивлюсь его появлению. Это может значить лишь что-то грандиозное, ведь он крайне редко покидал чертоги своей «каюты».

- Привет. Ты с чем пришёл? - нетерпеливо спрашиваю я и лишь после этого спохватываюсь и предлагаю ему сесть.

- Я прочёл то, что ты написал, и, знаешь, мне кажется, наши мысли схожи.

- Поостерегись. Максим посчитал меня психопатом.

Мы все за глаза звали его Максимом или Максом. Ещё тогда. В земной жизни.

- Нет, ты гений. Знаешь, тебе кажется, что весь этот мир, в котором ты живёшь, уже в прошлом. Это очевидно. Но, я думаю, за ним будущее.

- Какое будущее? Нас нет. Человечества нет. Если и остались хотя бы единицы здравомыслящих людей, то они доживают свои последние дни в таких же укрытиях, как наше. Больше не будет написано ни одной книги...

Когда всё началось, вернее, когда всё кончилось, было двадцать первое июня. А что мы представляли собой? Горстку неудачников, пришедших сдавать хвосты пока сессия не закрыта. Это был последний день. В тот день в университете начался ремонт, и из аудитории мы спустились в актовЫй зал, который находился на цокольном этаже. Я как раз первым вытянул билет и вышел отвечать, когда раздался взрыв. Где-то далеко-далеко. Можно было подумать, будто снаружи начинается гроза.

Я начал давать объяснение термину "бытие", когда все три моих однокурсника повернули головы на звук распахнувшейся двери из-за которой теперь отчётливо доносились звуки сирены. Никто из нас не мог понять, что это. О воздушной тревоге никто в первые мгновения и не подумал. Пожарная сигнализация сработала? Или это учения? Нам организовано выходить или можно остаться на месте? Но звук шёл не из коридоров. Звук был будто везде. Кому-то на смартфон пришло уведомление.

Я читал о таком и видел только в фильмах.

- На город летят ракеты... Только что передали, — это был Томео. Сегодня он зашёл лишь сдать свою курсовую и ждал Анну за дверью. Она не была его девушкой, но все знали,

что они друзья.

Кто-то засмеялся. Мы решили, что это шутка, но тот был бледным, и по глазам можно было увидеть, что так не шутят.

Тогда мы затихли и все повернули головы к Максиму. Почему-то мы думали, что он знает, что делать. И Максим знал. Оказалось, под лабораторией находился бункер, построенный совсем недавно на случай войны или неудачного эксперимента. Он собрал нас и повёл за собой. Откуда уж начинающий преподаватель был в курсе этого, нам оставалось только гадать. Двое совершенно левых парней забежали в здание университета, испугавшись сирены, Томео позвал их пойти с нами. Нас трясло.

Ивар, охранник, отказался оставлять пост. Он был уверен, что всё обойдётся и тревога учебная. Я часто думаю о том, что мы могли его убедить, но спешили спасти свои задницы.

С нами был ещё один парень. Был, потому что он заперся в своей комнате и не выходит уже второй месяц. Мы каждый день приносим ему поесть, и он всегда забирает, но ни с кем не хочет разговаривать. Говорят, он там тоже что-то пишет. Его посчитали душевнобольным и оставили в покое. Вот и я, наверное, скоро приобрету такую же славу в нашем небольшом мирке...

- Ты меня слышишь?

- Нет, я думал, - откликаюсь я, когда Томео машет у меня перед глазами своей массивной рукой.

Ненадолго нас обоих поглощает тишина, а потом он гово-

рит усталым голосом.

- Алекс, мы с тобой давно знакомы, может быть, дольше всех остальных в нашем бункере, - начинает он издалека, и меня это начинает напрягать.

- В чём дело? – тихо отзываюсь я.

- Ты же не сочтёшь меня больным?

- Это не по моей части, - сухо отвечаю я, но мне уже интересно, какими ещё симптомами пополнилась наша психушка.

- Каждую ночь я слышу голоса. Из приёмника. Ты знаешь, я всегда держу его включённым. Обычно простое шипение, он не ловит ни одной волны, но каждую ночь ровно в час сорок пять сначала наступает тишина, потом раздаётся щелчок, и включается что-то странное, будто старая радиопередача. Каждый раз новый голос читает какой-то отрывок из книг. Иногда это что-то современное, а порой совсем древнее, девятнадцатого, двадцатого веков. А на прошлой неделе, я слушал отрывок из Иллиады. Читал женский голос. Очень живой и красивый. Когда я закрыл глаза, мне почудилось, что я дома...

- Ты пытался разобраться, откуда сигнал?

Я знал, что Том у нас сентиментальный, но не настолько. Хотя, мы давно стали бездомными обитателями бункера, что случилось с нашими родными не знал ни один из нас, живы ли они? Кто знает? Но пока мы все старались держаться и не впадать в уныние. Отрешиться легко, когда с тобой чужие

люди. Психика сама старается держать марку, держать границы, не позволяет вырваться наружу сокровенным страхам и боли. Но когда мы остаёмся каждый наедине с собой

- Да, я в первый же день стал искать источник, откуда могла передаваться эта ночная передача, но точного места так и не установил. Предполагал, что это с орбиты, потому что каждый раз местоположение передатчика менялось. Но вчера я понял, что это не с Земли, вообще не отсюда. Помнишь, нам профессор рассказывал о том, что существуют параллельные миры, параллельная реальность? Мне кажется, что я нашёл связь между мирами. Но она, похоже, лишь одно-сторонняя.

Да, теорию о параллельных мирах нам читали на втором курсе. Несмотря на то, что наукой существование таковых было обосновано и доказано в теории, нам до сих пор казалось, что это всё нереально и похоже на научную фантастику, на учение о Боге, который по утверждениям существует, но узнать это точно не дано никому.

- Может, это автоматика? Включает какую-то запись каждый раз?

- Не знаю. Порой это совершенно неизвестные вещи, которых нет ни в одном архиве на Земле. Но, насколько я могу судить о литературе, гениальные.

Я сидел некоторое время молча. Конечно, я мог бы отмахнуться от него и сказать, что всё это чушь. Макс, наверняка, заподозрил бы у него слуховые галлюцинации. Но нам нужно

было во что-то верить. Во что Анна верила, когда резала себе вены? В то, что соединится со своей наверняка погибшей семьёй или с любимым человеком? Или она не верила ни во что? Потеряла веру и оттого потеряла жизнь? И что теперь осталось от неё? Мы даже не смогли её похоронить по-человечески. Максим запер тело в холодильник и спрятал его на нижнем ярусе.

- Сначала было слово, - пробормотал Томео, как пароль, и я повернул голову на его загадочный голос, - И закончится словом.

От Анны не осталось ничего, кроме короткой записки: "Я ухожу, а вы держитесь, ребята".

И мы держимся, кто как может.

- Не говори пока об этом никому. И, знаешь что? Я хочу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.